

DOI 10.15826/qr.2016.4.203

УДК 339.177(571.51)+394.014+34.07

**ПРОСТРАНСТВО ТОРГОВЛИ В КРАСНОЯРСКЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.:
ДИАЛОГ ТОРГОВЦЕВ И ВЛАСТИ***

Татьяна Яковлева

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

**TRADE SPACE IN KRASNOYARSK IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES: DIALOGUE
BETWEEN THE AUTHORITIES AND TRADERS**

Tatiana Yakovleva

Institute of General History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The author shows the ways in which urban trade space formed in Krasnoyarsk in the second half of the nineteenth century as a result of interaction between the authorities and traders. The local authorities excluded specific areas from the trade sector and created special trade places, markets. This policy was based on the tendency of the local authorities to create conditions where they could supervise trade in the interests of citizens. Traders, in turn, wanted uncontrolled ownership of their space and to autonomously exploit it in order to ensure the greatest amount of profit. Traders' actions included flexible tactics of manoeuvre in their attempts to transform or circumvent the law. The authorities' strategy was based on the interests of different population groups; therefore, they created laws that could be circumvented. The author emphasises the special role of peasantry; although they did not live in the city, they had their own ways of influencing the authorities, which local traders could not use. The

* *Citation:* Yakovleva, T. (2016). Trade Space in Krasnoyarsk in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Dialogue between the Authorities and Traders. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 243–260. DOI 10.15826/qr.2016.4.203.

Цитирование: Yakovleva T. Trade Space in Krasnoyarsk in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Dialogue between the Authorities and Traders // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 243–260. DOI 10.15826/qr.2016.4.203 / Яковлева Т. Пространство торговли в Красноярске во второй половине XIX – начале XX в.: диалог торговцев и власти // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 243–260. DOI 10.15826/qr.2016.4.203.

author uses the approaches to the study of space developed by M. Foucault and M. de Certeau. She concludes that the authorities' strategies reflected the interests of different population groups (including traders), which meant they were not always consistent and effective. The analysis of interaction between the authorities and traders through the prism of their struggle for trade space reveals new approaches to communication in everyday situations.

Keywords: urban space; trade; local authorities; Krasnoyarsk.

Дан анализ путей формирования городского торгового пространства Красноярска второй половины XIX в. как результата взаимодействия власти и торговцев. Рассмотрены стратегии власти в сфере торговли. Показано, что местные власти исключали из сферы торговли определенные городские места и формировали специальные – рынки. В основе этой политики лежало стремление создать условия для надзора за соблюдением законов и обязательных постановлений по благоустройству города. Торговцы же, в свою очередь, стремились владеть пространством бесконтрольно, осваивать его по собственному усмотрению в целях достижения наибольших прибылей. Их действия включали в себя гибкие тактики лавирования, попытки изменить или перетолковать властные предписания. Показана особая роль крестьянства, которое, не проживая в городе, тем не менее, имело свои рычаги воздействия на его власти, которыми местные торговцы не могли воспользоваться. В работе использованы подходы к изучению пространства, разработанные М. Фуко и М. де Серто. Делается вывод о том, что стратегии власти исходили из интересов разных групп населения (в том числе и самих торговцев), оттого, оказываясь в неоднозначной для себя ситуации, представители власти не всегда были последовательны и не могли создать таких узаконений, которые нельзя было обойти. Рассмотрение взаимодействия власти и торговцев через призму борьбы за пространство торговли выявляет новые практики их коммуникации в максимальной приближенности к повседневной жизни.

Ключевые слова: городское пространство; торговля; местная власть; Красноярск.

Для торговца город предоставляет собой набор возможностей и запретов. Он задает *границы* (торговля бессмысленна за городом, там, где нет покупателей) и *направления* (магазин или лавка находится на определенной улице, в рядах, по которым ходят покупатели), *районы* (районы проживания богатых и бедных требуют разной торговли) и *условия* (каменные или деревянные дома, возможность подвода и подвоза) торговли. Городские власти во все времена вынуждены были усложнять эту и без того непростую структуру: они вводили частичные запреты на торговлю, выделяли специальные места для нее, сами строили лавки и гостиные двory. Сталкиваясь с «законами», навязанными как городским пространством, так и властями, торговец, в свою очередь, пытался освоить их и противостоять им.

Мишель де Серто определял пространство как «место, которое используется в практике» [Серто, с. 219]. Распространив его утверждение о том, что «улица, геометрически определенная городской планировкой, трансформируется пешеходами в пространство» [Серто, с. 219], на сферу торговли, можно сказать, что таким же образом городские улицы и площади трансформируются торговцами и превращаются в пространство торговли.

Пространство, сформированное властью на основе прав собственности на землю и издания обязательных постановлений, заставляло торговцев использовать определенные тактики. «Место тактики – место другого. Таким образом, она должна использовать территорию, которая навязана ей такой, какой ее организует закон чуждой силы» [Серто, с. 110]. Иными словами, власть, руководствуясь неизвестными торговцу целями, определяла стратегии развития городского пространства. Торговец же, осуществляя свою профессиональную деятельность, оказывался на территории (в прямом и переносном смысле), принадлежащей не ему, но на которой он хотел управлять сам, то есть торговать и строить лавки в удобных для него местах, осваивать окружавшее его пространство по своему усмотрению.

Для понимания стратегий власти в сфере торговли плодотворно размышлять в рамках, предложенных М. Фуко, который связывал распределение индивидов в пространстве с дисциплиной: «дисциплина иногда требует *отгораживания*, спецификации места, отличного от всех других и замкнутого на самом себе» [Фуко, с. 206]. Именно таким местом являлся рынок. Он был локусом, на котором сосредотачивались торгующие, не имевшие собственных лавок и магазинов и вынужденные арендовать лавки или занимать места на базарных площадях. Для определенных видов торговли некоторые улицы или районы города оказывались под запретом.

Методом дисциплины являлась и локализация индивида в пространстве: «каждому индивиду отводится свое место, каждому месту – свой индивид» [Фуко, с. 208]. Торговец также имел свое место в городе. Лавки и магазины открывались и арендовались конкретными людьми под своими именами. Но даже безымянные крестьяне, которые брали на базаре места лишь на текущий день, размещались в рядах для торговли определенным товаром. Такое распределение связано с тем, что «дисциплина индивидуализирует тела посредством локализации, которая означает не закрепление их на определенном месте, а их распределение и циркулирование в сети отношений» [Фуко, с. 213]. Занимая места в мелочном или хлебном ряду, человек обретал новую идентичность как торговец именно этим товаром. В то же время именно в данном случае не достигалась цель – ограничить распределение индивидов по группам. В случае торговли распределение индивидов в пространстве не изолировало их, а способствовало их консолидации. У Фуко речь шла о буквальном

Базар на Новобазарной площади. Красноярск. После 1910 г. ККМ. О/ф 3173-87а

Market in Novobazarnaya Square. Krasnoyarsk. After 1910

разделении людей в пространстве, исключая их распределение по группам. Общим между рынком и тюрьмой, если посмотреть на них с точки зрения, предложенной Фуко, было стремление властей к ликвидации «диффузной циркуляции индивидов». Действующим на рынке оказывалось и «правило функциональных размещений», то есть выделение определенных мест не только с целью надзора, но и для создания полезного пространства [Фуко, с. 209]. Функции рынка – снабжение жителей города товаром и организация пространства торговли в городе – работали на это.

Не каждое место в городе являлось местом для торговли. На практике формирование предназначенного для этой цели городского пространства происходило, с одной стороны, путем исключения из него определенных территорий, с другой – через формирование специальных мест торговли – рынков. Эти два процесса дополняли друг друга, а в их основе лежало стремление городских властей создать условия для надзора за соблюдением законов и обязательных постановлений, артикулированное ими в словах о проявлении внимания по отношению к нуждам горожан¹.

¹ Именно в компетенции местной власти находились вопросы регулирования пространства и мест торговли, на общероссийском же уровне издавались общие правила, например, запрет на питейную торговлю на базарных площадях, около культовых и образовательных учреждений.

Запрет на торговлю в определенных местах (на улицах, дорогах, в конкретных частях города) редко касался торговли в целом. Обычно речь шла о запрете купли-продажи определенных товаров, об осуществлении торговых сделок некоторыми категориями торговцев или жителей города². Одним из таких товаров был хлеб (и другие продукты, привозимые крестьянами на рынок), а такими людьми – перекупщики.

Хлеб являлся самым главным продуктом на городских рынках, а обеспечение им горожан по умеренным ценам было одной из основных задач, стоявших перед местным самоуправлением. Этим можно объяснить введение ограничений на торговлю хлебом на рынках оптом до 12 часов дня и за их пределами в любое время. По сути, ограничения были направлены на торговцев, скупавших хлеб у везущих его в город крестьян, а затем перепродававших его на рынке по завышенной цене, что приводило к общему росту цен.

В 1879 г. обязательным постановлением Красноярской городской думы было запрещено кормить в городе приисковых лошадей и скупать припасы на базаре до полудня [ТАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 251. Л. 18]. Реакция торговцев на такое ограничение оказалась предсказуемой – его нарушали, но в большей степени его пытались не нарушить, а обойти:

При запрещении оптовой покупки съестных припасов на базаре ранее 12 часов занимающиеся скупом караулили продавцов на въезде в город, а некоторые выезжали для этого за несколько верст по трактам за город [Там же. Л. 18об.].

Впрочем, со стороны торговцев это была даже излишняя предосторожность, так как, по словам гласного Н. Тютрюмова,

...с началом весны 1880 г. всякое наблюдение за исполнением означенного постановления Городской думы, в сущности, весьма слабое, начало ослабевать еще более и наконец совершенно прекратилось. <...> Староста Ляпунов на базаре не показывался, флаг на базаре не поднимался, и для скупа дана была полная свобода. Пользуясь этим, хлеб и фураж скупался на базарах с раннего утра, и не только возами, но целыми партиями [Там же].

Таким образом, несмотря на создавшуюся возможность не исполнять постановление, перекупщики фактически исполняли его, переместившись в другое пространство. С одной стороны, данный факт показывает трудности регулирования через запреты, так как неполный запрет давал возможность его обходить. С другой стороны, это свидетельствует о том, что постановление имело значимость для определенной части торговцев, хотя и не достигало цели «по духу закона».

² При этом не рассматриваются товары, которые были запрещены или ограничены в обороте на территории Российской империи.

Гласный Тютрюмов указал имена непосредственных нарушителей постановления. Среди лиц, кормивших приисковых лошадей в Красноярске, им были замечены городской голова П. Прейн и гласный думы С. Токарев, являвшиеся крупными золотопромышленниками. Кроме того, по слухам, скупкой на базарах занимались купцы Полуянов и Хилков, отправлявшие хлеб на свои прииски, «темные личности» Будеев и Бармоткин, крестьянин Бутылкин, делавший запасы в городе с плотов и базаров для своего постоянного двора, мещанин Серебряков и его компаньон, «рассчитывающие на барыши при высоких базарных ценах», «продавцы муки и овса в городе: весовщик еврей Фурман и компания каких-то поселенцев, имеющих мучную лавку на базаре» [ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 251. Л. 18 об.–19]. Таким образом, скупщиками и нарушителями оказались люди самых разных званий и с самыми разными интересами. Даже городской голова оказался в их числе. Можно предположить, что и среди тех, кто стремился не нарушить, но обойти постановление, также встречались абсолютно разные люди.

В 1884 г. Красноярская городская дума предприняла новую попытку решить проблему скупки продуктов, вероятно, осознав недостатки предыдущей. Новый запрет распространялся на оптовую покупку и продажу хлеба и других припасов на окраинах города и в городской черте всеми и во всякое время [Там же. Д. 1913. Л. 10–11]. Исключение по-прежнему делалось для базарных площадей, на которых оптовая скупка хлеба разрешалась с 12 часов дня. Таким образом, запрет на оптовые сделки распространился за границы базара, на все пространство в рамках городской черты и даже за ее пределы. Но проблемы оставались прежними:

...крестьянин иногда еще не успел въехать и в город, как его обступают перекупщики, причем тут же, не давая хорошенько вдуматься крестьянину, скупают у него все продукты оптом, а потом с этими же самыми продуктами выезжают на базар и уже продают их по возвышенной цене [Енисей, 1896, № 92, с. 1].

Итак, скупка на окраинах города становилась нарушением правил. Как поступить в такой ситуации торговцу, который по-прежнему не хотел нарушить постановление Городской думы? Возможным решением был выход за пределы города. Действительно, даже в самом постановлении указывалось:

Торгующие на базарах хлебными продуктами – мукою, крупую... так же покупать таковые на базарах права не имеют, а должны покупать с плотов, барок, а также вне города [ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 51. Л. 6].

В новом постановлении от 1903 г. расширялось и уточнялось пространство, на котором запрещалась торговля:

На окраинах города и на дорогах, ведущих в город из окрестных сел, деревень и заимок (а летом на перевозе³), в дни базаров и в ночь на базарные дни, покупка и продажа хлеба, мяса, рыбы, масла, яиц, молока и других съестных припасов, а также сена и дров, безусловно всем запрещалась [Обзор, 1904, с. 1 (паг. б)].

Вероятно, подробное перечисление местностей являлось отражением существовавшей практики: перекупщики выезжали все дальше за пределы города или же на «менее важные» дороги, ведущие от заимок. Это говорит о том, что постановление 1884 г. не достигало своей цели. Причина крылась не только в нежелании нарушать его, но и в конкуренции между перекупщиками. Вероятно, в определенных случаях было выгодно встретить крестьянина на пути в город, а не покупать оставшийся у него после розничной торговли на базаре товар.

Крестьяне окрестных деревень и торговцы из других городов, привозившие хлеб, являлись третьей заинтересованной стороной, помимо красноярских властей и торговцев. Каковы были их интересы? Ведь именно они соглашались продавать хлеб в неположенных местах, также являясь нарушителями. Их согласие или несогласие с правилами игры влияло на успех всего предприятия.

В данном отношении показательна ситуация, сложившаяся в Ачинске, западном соседе Красноярска. В 1911 г. попытка Ачинской городской думы ограничить место и время торговли хлебом и иным припасами привела к тому, что большинство торговых сделок стало заключаться вне города. В условиях жесткой конкуренции, когда практически все население уезда занималось хлебопашеством, крестьянину было невыгодно стоять в любую погоду и ждать, пока его товар раскупят в розницу, к тому же, население Ачинска было невелико, то есть спрос был гораздо меньше предложения [Архив города Ачинска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 341–342об.]. Таким образом, ограничение времени и места торговли было невыгодно самим производителям, поэтому они и продавали свой товар в обход постановлений.

Аналогичные мотивы руководили и хлеботорговцами из южных районов губернии, которые сплавляли хлеб по Енисею. Торгующие минусинским хлебом с барок и плотов вынуждены были в Красноярске продавать свой товар в розницу. В результате они, боясь потратить слишком много времени на розничную торговлю, «обыкновенно уплывали в Енисейск, и город, таким образом, лишался запасов хлеба» [Енисей, 1895, № 62, с. 2]. Это привело к тому, что в мае 1895 г. оптовую покупку хлеба с барок и плотов красноярцам разрешили, что было подтверждено и в постановлении 1903 г.:

Запреты на скуп оптом не распространялись на хлебные запасы, а также на запасы дров, сена и другие предметы торговли, сплавляемые по реке Енисей для оптовой продажи [Обзор, 1903, с. 17].

³ Через реку Енисей.

Об особой важности этого исключения свидетельствует упорство, с которым члены управы настаивали на принятии данного пункта постановления. Таким образом, поставщики оптовых продуктов имели с городскими торговцами общие интересы. Каждый из них играл свою роль в системе снабжения города и не был готов от нее отказываться. Так, крестьянин не хотел становиться торговцем и продавать хлеб в розницу. Не проживая в городе, крестьяне имели свои рычаги воздействия на его власти, которыми местные торговцы не могли воспользоваться.

Борьба за ограничение оптовой скупки хлеба в Красноярске с переменным успехом велась на протяжении всего рассматриваемого периода. Торговцы, занимавшиеся скупкой, имели устойчивый интерес к тому, чтобы это делать, не обращая внимания на запреты. Городские думы формально вытесняли оптовые сделки за пределы города, рассчитывая таким образом сосредоточить их на базаре, то есть под своим надзором. Но каждое следующее постановление являлось реакцией на несоблюдение предыдущего. У городских властей не было ресурсов для установления контроля на всей территории города, что давало возможность для нарушений вне поля их зрения. Более того, при отсутствии надзора даже базар становился местом, на котором постановление не исполнялось.

Регулирование пространства питейной торговли порождало иные тактики поведения торговцев⁴. Городские думы, согласно Уставу о питейном сборе, имели право ежегодно устанавливать число и места раздробительной (розничной) продажи крепких напитков с утверждения губернского правления. Это право было дано с целью городского благоустройства в интересах горожан, ведь розничные питейные заведения являлись самыми беспокойными местами в городе.

Как правило, думами устанавливался запрет на открытие заведений на определенных улицах, то есть в тот или иной момент торговец и его лавка могли оказаться на улице, на которой их не должно было быть. Как торговец поступал в таком случае?

В 1898 г. Красноярская городская дума приняла решение не ограничивать число питейных заведений в городе, а ввести ограничение на места торговли. С 1900 г. ежегодно составлялись списки мест, в которых запрещалось содержание питейных заведений. Одними из первых под запрет попали угловые места на перекрестках и два переулка в старой части города: Дубенский и Покровский⁵. Но эта мера не привела к прекращению торговли на них, так как вместо кабаков на углах открывались портерные, которые «приносили городу почти в 30 раз меньше дохода и служили только местом сборища отбросов городского населения» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 18. Д. 365. Л. 2–2об.]. Таким образом, держатели питейных заведений «перепрофилиро-

⁴ В период действия акцизной системы в Восточной Сибири, то есть с 1863 по 1904 г.

⁵ Вероятно, запрет на них распространялся из-за того, что на них селились самые знатные и богатые жители города, не желавшие терпеть неудобства, связанные с расположением питейных заведений на их улицах.

вали» свое дело под заведение, которое еще не подлежало запрету, – под пивную лавку.

Пивные лавки на тот момент разрешалось открывать повсеместно без согласия официальных властей. Только в апреле 1906 г. городским думам было предоставлено право «определять в видах общественного благоустройства и благочиния те местности в городе сверх указанных в законе, где не дозволяется открытие пивных лавок вообще, или только с распивочною и выносною продажей, или с одной выносною» [Обзор, 1909 [1910], с. 464].

В первые два года Городская дума Красноярска не пользовалась в полной мере своим правом. Пивные лавки запрещалось открывать только на Воскресенской улице от старого до нового базара и в некоторых местах, определенных уставом об акцизном сборе [Обзор, 1909, с. 431]. Опыт показал, что такое свободное устройство пивных лавок вредило городскому благоустройству: пивные лавки, расположенные на главных улицах, затрудняли движение, возле них скапливались телеги, экипажи, а пьяная публика творила безобразия [Там же, с. 432]. В качестве меры борьбы было принято решение увеличить запрещенное для питейной торговли пространство. Какие территории оказывались под запретом? Узнать это можно, проанализировав ежегодные обсуждения списков («расписаний») мест, попавших под запрет.

В определении мест, запрещенных для открытия пивных лавок и заведений для «раздробительной» продажи крепких напитков, участвовали разные городские силы, имевшие каждая свои интересы: торговцы, члены думы и управы, врачи, военные, полиция.

В «расписание» на 1909 г. в Красноярске внесли места, запрещенные для содержания пивных лавок. В него не включили Плац-Парадную площадь – центр расквартирования военных, хотя основными посетителями открытой там пивной лавки были «воинские нижние чины и девицы» [Обзор, 1909 [1910], с. 463]. Военное начальство проявило недовольство, так как посещение пивных нижними чинами в данном случае ограничить было невозможно, а их визиты способствовали распространению среди солдат сифилиса, потому что вокруг пивных лавок всегда обитали проститутки [Там же, с. 432]. Городской думе пришлось исправить это упущение.

Большинство предложений о внесении дополнений в список мест, где запрещено было открывать пивные лавки, было сформулировано полицией. Приставы или полицмейстер указывали, на каких улицах стоит запретить торговлю алкоголем. Они называли и конкретные дома, а не только улицы. Это свидетельство тому, что ограничения вводились не только из-за абстрактного благочиния, но и по вполне конкретным причинам. Так, Евлампий Пастанчуг или некто Созыкин занимались тайной продажей водки, как и Катцен и Комина, которые к тому же принимали краденое и содержали «тайные притоны разврата» [Обзор, 1911, с. 566]. Именно их торговлю хотели запретить, более того, двум последним приставам просили не выдавать новых разре-

шений на содержание таких заведений. Иными словами, ограничение территорий не ограничивало действий людей. Запрет торговли на одной улице приводил к переезду на другую, и проблемы продолжились бы. По этой причине гласные не готовы были идти на запрет торговли на всем протяжении улиц, на которых находились неблагонадежные дома, а запрещать торговлю в отдельных домах дума не имела права. Поэтому изменения в список внесены не были [Обзор, 1911, с. 567].

Мнение о том, что запреты не ограничивали людей, подтверждают и слова городского головы. Гласный Павел Коновалов, известный в городе врач, предлагал запретить торговлю на окраинах, где живет беднота, так как пивные лавки, по его мнению, были не только местами разврата, но и рассадниками болезней. Но занимавший место городского головы С. И. Потылицын возразил, что такой запрет повлечет за собой *тайную* (выделено мной. – Т. Я.) торговлю пивом и вином, что, на его взгляд, являлось большим злом [Там же, с. 568].

В декабре 1912 г. красноярский полицеймейстер счел необходимым добавить новые пункты в перечень на будущий год. В его список одновременно попали одна из центральных улиц, на которой располагались важные городские учреждения и заведения, и отдаленная улица, за которой трудно было вести наблюдение [Обзор, 1913, с. 633–635]. Иными словами, под запрет попадали как центральные районы города, так и глухие окраины. Гласный К. И. Ауэрбах спросил даже: «в каких же местах можно будет открывать пивные, если согласиться с заключением полицеймейстера?» [Там же, с. 634]. Предложение последнего было отклонено, так как список уже существовал, а на указанных им улицах и так было мало пивных лавок [Там же].

Запрет торговли на одной территории способствовал распространению нежелательных явлений на соседние районы и торговле под вывесками заведений, для этого не предназначенных. Например, в Николаевской слободе Красноярска вблизи железнодорожного депо имела парикмахерская, являвшаяся таковою только по названию. На самом деле это был кабак, в котором велась беспатентная торговля распивочно и на вынос [Енисей, 1905, № 40, с. 3]. На Малокачинской улице между Покровским и Гимназическим переулками в доме Степанова находилась народная чайная, но в ней же продавали спиртные напитки [Там же, № 62, с. 3]. С введением винной монополии стали закрываться кабаки, но «притон» Иофеля продолжал существовать, однако под другими названиями – «Продажа фруктовых вод» и «Митанская кухмистерская». При этом и все «безобразия» – драки, грабежи и убийства – продолжали здесь происходить [Там же, № 61, с. 3]. Таким образом, вводимые запреты на питейную торговлю на определенных улицах действовали лишь частично и желаемых целей не достигали. Заинтересованность торговцев в преодолении препятствий, которые им ставили власти, была чрезвычайно высока, так как выгоды от этого было больше, чем неудобств, ведь подобные заведения существовали потому, что на них был спрос.

Торговцы получали возможности для лавирования благодаря недочетам в работе властей. Например, одно красноярское питейное заведение переименовали в ресторан, то есть налицо было «перепрофилирование», которое предполагало определенные изменения во внутреннем устройстве заведения. Но таковых не произошло: на своих местах остались барная стойка, скамейки и другая мебель, а чай, кофе, горячие закуски, характерные для ресторана, в меню так и не появились. Фактически тип заведения не соответствовал действительности, но дума дала разрешение на его открытие, так как никто из гласных не проверил лично, изменилось ли здесь что-то. Можно согласиться с мнением автора газетной заметки, указавшего на следующий факт:

От таких ресторанов был еще больший вред, чем от кабаков, так как последние могли работать только до определенного часу ночи, а по праздникам всего несколько часов. Рестораны же могли быть открыты всю ночь и все праздники [Енисей, 1895, № 4, с. 2].

Кроме того, в текстах постановлений встречались ошибки и недоработки. Например, в Красноярске запрещалось открывать питейные заведения в первом квартале от базарных площадей, но ничего не было сказано о распространении этого запрета на переулки между первым и вторым кварталами. В итоге торговцы перенесли свои питейные заведения на другую сторону улицы, но остались все в том же Театральном переулке, хотя предполагалось, что они должны были съехать оттуда [Там же, с. 2].

Подобного рода непроработанность текстов постановлений давала торговцам возможность по-своему обращаться к закону, а вернее, к собственной его трактовке. Со схожей проблемой столкнулись и в Минусинске, где городская дума разрешила открыть на 1891 г. ренсковый погреб на Новобазарной площади в собственном доме купцу Никону Алексеевичу Смирнову, но постановление было отменено Енисейским губернским по городским делам присутствием, так как площадь была изъята из числа мест, назначенных для торговли напитками [ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 20. Л. 4]. Смирнов не сдавался. В следующем прошении он попросил открыть ренсковый погреб без распивочной продажи вина в том же собственном доме, но в помещении, выходящем на Новоприсутственную улицу. На этот раз ему отказали потому, что одна сторона его дома все-таки выходила на базарную площадь [Там же. Л. 36]. Смирнов, в свою очередь, пожаловался на это решение думы в Енисейское губернское по городским делам присутствие, что спровоцировало интересную дискуссию. Фактически обсуждался вопрос: что считать домом на площади? А значит, и как применять закон в данном случае? Сторонники Смирнова в городской управе указывали на то, что запрет открывать пивные заведения в домах, расположенных на площади,

но выходивших и на другие улицы, абсурден. Они гиперболизировали этот запрет:

...иначе пришлось бы допустить то положение, что в угловом каменном доме не такого размера, как принадлежащий Смирнову, а занимающем целый квартал и выходящем одною стороною на торговые ряды, нельзя разрешить открытие ренского погреба при магазине или отдельно от последнего в помещениях дома, выходящих на три противоположных торговым рядам улицы, и притом на весьма значительном от последних расстоянии (противоположные углы дома) [ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 20. Л. 37].

Иными словами, указанный запрет совсем иначе воспринимался на примере огромного дома и давал истцу шанс добиться желаемого. К сожалению, решение губернатора Енисейской губернии по этому вопросу мне неизвестно.

Таким образом, регулирование пространства питейной торговли также шло по пути исключения из него отдельных территорий. Это приводило, с одной стороны, к вытеснению заведений на близлежащие территории, а с другой – к изменению их названий при сохранении функций. В то же время несовершенство самих постановлений давало торговцам возможность найти обходную лазейку или «поучаствовать» в их интерпретации.

Опыт хлебной и питейной торговли показал, что усилия местных властей добиться улучшения условий жизни в городе с помощью системы запретов, распространявшейся в том числе и на пространство, оказались неэффективны, так как за торговцами всегда оставалась возможность их нарушения.

Противоположным исключением территорий из пространства торговли являлся процесс формирования *специальных* торговых пространств. Речь идет о рыночных площадях, так как именно рынки являлись основным пространством торговли в Красноярске. Стремление ограничить торговлю пределами рыночной площади было вызвано необходимостью контролировать действия торгующих, следить за торговыми операциями и соблюдением действующих законов и постановлений.

В губернском городе Красноярске к началу XX в. было три базарных площади. Две главные носили названия Старобазарная (или Старособорная) и Новобазарная (или Новособорная). На обеих располагались соборы – Воскресенский и Богородице-Рождественский.

Старобазарная площадь находилась в старейшей части города на месте Красноярского острога, из которого и вырос город, основанный в 1628 г. на месте впадения в Енисей реки Качи. Ограниченный с юга Енисеем, а с севера Караульной горой, Красноярск мог развиваться только на запад и к середине XIX в. разросся настолько, что сместился и его центр. Возникновение Новобазарной площади явилось результатом этого процесса.

Третий базар появился в Красноярске в 1902 г. Его образование было связано со строительством железной дороги, которая изолировала жителей Николаевской слободы от основного города, поскольку близкий и удобный переезд отсутствовал. Это привело к созданию особого рынка для жителей данной части города. Вплоть до революции он так и оставался локальным, в то время как старый и новый рынки были рассчитаны на жителей всего города.

Перенос центра Красноярска на новую площадь предполагал уменьшение значения старой или вовсе ее ликвидацию. По видимости, первоначально предполагалось, что Старобазарная площадь сама прекратит свое существование как место торговли. Вскоре после переноса рынка на новое место, чтобы убедиться в его преимуществах, по предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири его должен был посетить статский советник В. В. Гаупт, член совета Главного управления Восточной Сибирью. Гаупт собирался изучить обе торговые площади на предмет их функциональности, выслушать мнения заинтересованных сторон, «затребовав при том собственноручные подписки домохозяев о желании их иметь базар на новой или старой площади» [ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1928. Л. 30]. Таким образом, им были предприняты меры для того, чтобы убедиться, что перенос торговли на новую площадь действительно произведен в интересах города.

Гаупт серьезно отнесся к поставленной задаче и представил подробный отчет по сравнению двух площадей. Большинство его доводов было в пользу нового места: размер (новая площадь широкая, старая – тесная), число проживающих рядом жителей (новая – в центре многочисленного района, а старая с трех сторон окружена водой), их социальный состав (около старой площади жили богатые люди, а возле новой – бедные, не имевшие возможности ездить за покупками), перспективы для строительства (новая способствует росту города, а на старой негде строиться), близость присутственных мест (они уже либо были на новой площади, либо их планировали туда перенести) [Там же. Л. 30–32]. Кроме того,

...справедливость этого обстоятельства подтверждается и приговором купцов и мещан, составленным в 1860 г. и подписанным более 140 чел., о желании их построить гостиный двор на новой площади [Там же. Л. 33].

Все аргументы были за существование базара на новом месте, но и у старого были сильные сторонники:

На вторичном собрании, бывшем 28 минувшего октября, жители г. Красноярска единогласно положили иметь в городе два базара, или съезда для крестьян с съестными и всеми другими произведениями сельской промышленности, один на новой, другой на старой площади, с тем,

чтобы на новой площади торг происходил еженедельно по воскресеньям, на старой площади по субботам, а в остальные затем пять дней недели там, где пожелают приезжающие с припасами крестьяне [ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1928. Л. 33об.–34].

Таким образом, Старобазарная площадь сохранилась, но ее значение неумолимо уменьшалось. Существование одновременно двух значимых торговых площадей в пространстве города создавало определенные трудности, которые требовали разрешения. В частности, неоднократно возникали вопросы о торговле на двух площадях и распределении базарных дней между ними, причем недовольство вызывал как факт торговли на двух площадях в разные дни, так и одновременная торговля на них.

В 1875 г. группа красноярских торговцев (судя по подписям, 20 человек) обратилась к городскому голове с целью соединить два базара в один. По их мнению, причины их торговых неудач крылись в одновременном существовании базаров:

Крестьяне ввиду двух торговых площадей впадают в рассуждение относительно выгод, на какую именно площадь везти продукты на продажу, и, между тем, возивши на одну и другую, не успевают совсем. Таким же образом мы, торговцы, посещая один базар, ставим себя в невозможность успевать торговлю на другом базаре, где более многолюдности бывает, для чего необходимо иметь лишних людей, на что требуется, само собою разумеется, излишний расход... [ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1003. Л. 1–1об.].

По мнению торговцев, положительное решение по их прошению привело бы к следующим результатам:

Этим самым отстранятся все неудобства. Крестьяне будут знать одно место, куда продукты привозить на продажу; а торговцы таким же образом будут знать время и место, где производить торговлю, и тогда, конечно, установится торговля не в одни только базарные дни, как это существует во всех прочих городах [Там же. Л. 1об.].

Иными словами, торговцы хотели вести торговлю на протяжении всей недели, а не только в базарные дни, но не имели ресурсов для того, чтобы делать это на двух площадях одновременно или попеременно.

Затем в июле 1876 г. управа рассматривала заявление мелочных торговцев (уже более 30 человек)

...о соединении двух базаров, существующих на разных площадях, в один и на одну Новособорную площадь, так как, по ничтожности торговли, для них становится обременительным брать столы и балаганы

на двух площадях, оплачивать пошлины за билеты за каждый стол, перевозить с площади на площадь продукты и мелочные товары, для чего требуется иметь лишних людей и лошадей [Там же. Л. 6].

Дума это прошение не удовлетворила, «имея в виду, что базары в таком порядке, как находятся в настоящее время, совершенно удобны для всех жителей города» [Там же]. Практика показывала, что базары на новой площади были многолюднее, а торговцы стали «голосовать ногами»:

...некоторые и даже преобладающее большинство мелочных торговцев вовсе не бывают с торгом на старом базаре в пятницу по неимению там закрытых балаганов и по неудобству ежедневного перемещения с одного места на другое; особенно же это неудобство ощутительно в ненастные дни и летом в знойные дни, когда съестные продукты весьма скоро подвергаются на открытом воздухе порче, причиняющей весьма чувствительный вред для незначительного торговца. На новой же базарной площади эти неудобства менее ощутительны, потому что здесь есть корпус с лавками и балаганы, более или менее приспособленные к делу, и если бы при этом корпусе были устроены подвалы и ледники, тогда бы и желать лучшего нечего [Там же. Л. 16–16об.].

Спустя четыре года в 1880 г. прошение было подано повторно. 24 торговца просили

...сосредоточить торговлю в базарные дни в одном месте, каком-либо из помянутых двух пунктов мест по желанию большинства, как из нас, торговцев, так и гласных думы в интересах народонаселению городскому [Там же].

Взамен они предлагали деньги в бюджет города:

...мы готовы удвоить эту аренду, лишь бы избавиться от неудобства передвижения товаров с одного места на другое и сохранять продукты и припасы в ледниках при лавках [Там же. Л. 16об.].

Неизвестно, чем закончилось это обсуждение, но, по всей видимости, решение о сосредоточении торговли на Новобазарной площади не было принято, так как торговля на Старобазарной площади продолжалась, но ее значение снизилось. В 1915 г. старый базар пустел в базарные дни, не было достаточного подвоза припасов [Вестн. КГОУ, с. 447–449].

Таким образом, местные власти активно участвовали в организации специальных пространств торговли. Возникновение, расцвет и закат торговых площадей зависели как от объективных причин, таких как рост города, удобное расположение, близость к транспорт-

ным коммуникациям, так и от взаимодействия власти и торговцев. Торговцы в соответствии со своими интересами реагировали на мероприятия властей, принимая существующий порядок вещей или пытаясь его изменить.

Внутреннее пространство базарной площади также регулировалось местной властью и заполнялось по ее правилам. В 1879 г. было установлено, что крестьяне должны были занимать места на торговых площадях по рядам в соответствии с родом товара,

...дабы такую установкою порядка дать покупателям полный выбор из всех привезенных для продажи однородных продуктов; через что могут определяться, на каждый по качеству их цены нормальные каждому продукту [ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 51. Л. 3–3об.].

Места для разных видов торговли были определены заранее. Первые приезжающие занимали места по обе стороны ряда, а следующие становились около них без больших промежутков (чтобы человек мог пройти, а телега не проехала бы).

Приехавшие же после первых могут становиться в ряды между возами только тогда, когда из числа установившегося ряда кто-либо, распродавши свои продукты, выехал из ряда [Там же. Л. 4].

Если торговец предлагал свой товар с рук, то он должен был не ходить с ним по базару, а стоять в ряду, соответствующем роду его товара или же близким ему [Там же. Л. 4об.]. В результате пространство рыночной площади упорядочивалось, каждому товару и торговцу соответствовало место в определенном торговом ряду.

Таким образом, рассмотрев способы взаимодействия власти и торговцев по вопросам организации пространства в городе, мы можем сказать, что торговцы хотели владеть пространством бесконтрольно, осваивать его по собственному усмотрению в целях достижения наибольших прибылей. Власти же не давали им этого делать как в интересах налаживания городского порядка, создания «цивилизованного» пространства, так и для надзора за торговцами и контроля над соблюдением ими законов и постановлений. С этой целью городские думы и управы использовали два противоположных процесса – исключение и формирование торгового пространства.

Гибкие тактики торговцев включали в себя не только соблюдение или нарушение закона, но и попытки изменить или обойти установленные правила. Власть предрержащие в своих стратегиях исходили из интересов разных групп населения (в том числе и самих торговцев), оттого, оказываясь «между двух (и даже больше) огней», не всегда были последовательны и фактически не могли создать таких узаконенных, которые нельзя было обойти.

Рассмотрение взаимодействия власти и торговцев через призму борьбы за пространство торговли выявляет новые практики их коммуникации, формирующиеся и действующие через освоение и управление пространством, то есть в максимальной приближенности к повседневной жизни.

Список литературы

- Постановления Ачинской городской думы за 1911 г. // Архив города Ачинска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36.
- По вопросу об установлении базарных дней на Старобазарной площади // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 17. 1 нояб.
- Инструкция базарного смотрителя по наблюдению за порядком и производством торга на торговых площадях, рынках и базарах г. Красноярска // ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 51.
- Дело об издании правил для продажи в Красноярске хлебных продуктов // ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 951.
- Заявления мелких торговцев гор. Красноярска о соединении базаров в один базар на Новобазарной площади // ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1003.
- Постановления Красноярской городской думы, предложения губернатора о торговле хлебом, об очистке базарных площадей и улиц. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1913.
- Дело о переводе базара на новую торговую площадь // ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1928.
- Дело об утверждении мест содержания питейных заведений в городах губернии // ГАКК. Ф. 595. Оп. 18. Д. 365.
- Постановления Минусинской городской думы за 1892 год // ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 20. Енисей. 1895. № 4. 8 янв.; № 62. 26 мая; 1896. № 92. 2 авг.; 1905. № 40. 13 апр.; № 61. 10 июня; № 62. 12 июня.
- Обзор хозяйства города Красноярска за январь-март 1903 г. Красноярск : Тип. Ал. Д. Жилина, [1903]. 63 с.
- Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь-декабрь 1903 г. № 4. Красноярск : Тип. Ал. Д. Жилина, 1904. 128 с.
- Обзор хозяйства города Красноярска за июль-сентябрь 1908 г. № 4. Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1909. 306 с.
- Обзор хозяйства города Красноярска за июль-декабрь 1909 г. Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1909 [1910]. С. 396–679.
- Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь-декабрь 1910 г. Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1911 г. С. 527–739.
- Обзор хозяйства города Красноярска за октябрь 1912 г. – январь 1913 г. Красноярск : Тип. М. И. Абалакова, 1913. С. 421–660.
- Serpo M. de.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 328 с.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы. М. : AD Marginem, 1999. 479 с.

Reference

- Arkhir goroda Achinska* [Archive of the City of Achinsk]. Stock 6. L. 1. Dos. 36 (*Postanovleniya Achinskoy gorodskoy dumy za 1911 g.*).
- Foucault, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat' : Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. 479 p. Moscow, AD Marginem.

GAKK. Stock 161. L. 1. Dos. 51 (*Instruktsiya bazarnogo smotritelya po nablyudeniyu za poryadkom i proizvodstvom torga na torgovykh ploshchadyakh, rynkakh i bazarakh g. Krasnoyarska*).

GAKK. Stock 161. L. 2. Dos. 951 (*Delo ob izdanii pravil dlya prodazhi v Krasnoyarske khlebykh produktov*).

GAKK. Stock 161. L. 2. Dos. 1003 (*Zayavleniya melkikh torgovtsev gor. Krasnoyarska o soedinenii bazarov v odin bazar na Novobazarnoy ploshchadi*).

GAKK. Stock 161. L. 2. Dos. 1913 (*Postanovleniya Krasnoyarskoy gorodskoy dумы, predlozheniya gubernatora o torgovle khlebom, ob ochildke bazarnykh ploshchadey i ulits*).

GAKK. Stock 173. L. 1. Dos. 1928 (*Delo o perevode bazara na novuyu torgovuyu ploshchad'*).

GAKK. Stock 595. List 18. Dossier 365 (*Delo ob utverzhenii mest sodержaniya pit'ynykh zavedeniy v gorodakh gubernii*).

GAKK. Stock 628. L.1. Dos. 20 (*Postanovleniya Minusinskoy gorodskoy dумы za 1892 god*).

Enisey [Yenisei]. 4, Jan. 8; 62, May 26. (1896). 92, Aug. 2. (1905). 40, Apr. 13; 61, Jun. 10; 62, Jun. 12.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za yanvar' – mart 1903 g. [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, January – March, 1903]. ([1903]). 63 p. Krasnoyarsk, Tipografiya Al. D. Zhilina.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za oktyabr' – dekabr' 1903 g. № 4 [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, October – December, 1903, Iss. 4]. (1904). 128 p. Krasnoyarsk, Tipografiya Al. D. Zhilina.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za iyul' – sentyabr' 1908 g. № 4 [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, July – September, 1908, Iss. 4]. (1909). 306 p. Krasnoyarsk, Tipografiya M. I. Abalakova.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za iyul' – dekabr' 1909 g. [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, July – December, 1909]. (1909 [1910]). Pp. 396–679. Krasnoyarsk, Tipografiya M. I. Abalakova.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za oktyabr' – dekabr' 1910 g. [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, October – December, 1910]. (1911). Pp. 527–739. Krasnoyarsk, Tipografiya M. I. Abalakova.

Obzor khozyaystva goroda Krasnoyarska za oktyabr' 1912 g. – yanvar' 1913 g. [Economic Overview of the City of Krasnoyarsk, October, 1912 – January, 1913]. (1913). Pp. 421–660. Krasnoyarsk, Tipografiya M. I. Abalakova.

Po voprosu ob ustanovlenii bazarnykh dnevy na Starobazarnoy ploshchadi [On the Issue of Market Days Organisation in Market Square]. (1915). In *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*, 17, Nov. 1.

Serto, M. de. (2013). *Izobreteniye povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everyday. 1. The Art of Making]. 328 p. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

The article was submitted on 28.04.2016